

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**«ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА» ПАВЛА ДОЛГОРУКОВА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Т.Г. Леонтьева, Л.В. Долгоруков

В 1964 г. в Мадриде вышла в свет книга воспоминаний известного политического и общественного деятеля России, одного из лидеров кадетской партии князя Павла Дмитриевича Долгорукова с необычным для этого жанра названием – «Великая разруха»¹. В ней были представлены не только тексты самого Павла Дмитриевича, но и воспоминания о нём, написанные его братом Петром Дмитриевичем. «Двойные» мемуары дополнялись откликами эмигрантской общественности на его смерть – он был расстрелян большевиками летом 1927 г.

Строго говоря, книга давала ценный материал для просопографического исследования русского либерализма. Тем не менее сама по себе «Великая разруха» не получила в своё время заметного отклика ни в научном мире, ни даже в русскоязычной эмигрантской среде, хотя выход книги был приурочен к столетию со дня рождения выдающихся братьев-либералов. К тому моменту в СССР фамилия Долгоруковых была подзабыта (как, впрочем, и других «бывших»); в эмиграции всякое напоминание о «потерянной» России вызывало по преимуществу одни лишь туманные ностальгические грёзы, основная волна мемуарной литературы (1920–1940-е гг.) давно схлынула, сложился определённый фактологический ряд и эмоциональный настрой, сформировавший эмигрантскую историческую память. Сегодня, в связи с растущим интересом к культурной антропологии и истории повседневности, обнаруживается, что ценность данных воспоминаний весьма значительна – они заметно выбиваются из привычных политико-событийных историографических стандартов. Известный в своё время политик выступает здесь не как тенденциозный «хроникёр» или умудрённый временем «судья», а как тонкий, философски-отстранённый наблюдатель, ухватывающий те «мелочи жизни», которые помогают понять не только «своих», но и «чужих», столкнувшихся лицом к лицу в вихре революции.

В прошлом западные историки русского либерализма не особенно вчитывались в тексты Павла Долгорукова², обошли его вниманием даже авторы специальных источниковедческих работ о политических мемуарах³. В настоящее время

¹ *Кн. П. Д. Долгоруков. Великая разруха. Личные воспоминания князя Павла Дмитриевича Долгорукова. (1916–1926 гг.). – Мадрид, 1964 (Переиздана в 2007 г.)*

² *Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. – Princeton, 1974; Thurston R. Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914. – New York, 1987; Pipes R. Struve: Liberal on the Left. – Cambridge, MA. – 1970; Ibid. Struve: Liberal on the Right. – Cambridge, MA. 1980; Hosking G. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. – Cambridge, 1973; Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1980–1918. – Ithaca, 1996; etc.*

³ *Norton B. The Russian Political Memory, 1917, and Historians // Russian History. 1984. – Vol. 11. – No. 1. – P. 83–100.*

«Великая разруха» уже известна российским историкам. Ссылки на этот текст можно найти как в диссертациях начинающих исследователей, так и в публикациях маститых авторов⁴. Однако зачастую это произведение цитировалось «по случаю», не подвергаясь основательному источниковедческому анализу. В данной статье делается попытка показать скрытый потенциал воспоминаний, отражающий не только событийную, но и психосоциальную канву событий.

Известно, что главный герой мемуарного произведения – его автор, со всеми особенностями мировоззрения и, главное, глубиной восприятия исторического времени (включая как события, так и их фигурантов). Зачастую мемуары политиков представляют такие селективные напластования фактов, которые заслоняют лицо самой истории. В данном случае также возникает вопрос: можно ли верить человеку, написавшему *post factum* о трагедии революции, если известно, что он в результате её потерял всё?

Обычно мемуарист искажает прошлое в силу двух основных причин: вольного или невольного самооправдания⁵; объективной трудности (и даже невозможности) преодоления культурной матрицы своего времени.

Чтобы объективно оценить достоверность (и соответственно значимость) воспоминаний П.Д. Долгорукова, следует прежде всего обратиться к анализу его жизненных принципов и нравственных установок. Именно они корректируют общественно-политические пристрастия, не позволяя текущим эмоциям и пристрастиям возобладать над стремлением понять исторический смысл происходящего. Общепринятым методом выявления «уровня вранья» в мемуарной литературе является сопоставление изучаемого текста с публикациями других современников событий. Но поскольку это практически невыполнимо в рамках одной статьи (о революции и гражданской войне писали сотни очевидцев), стоит отметить лишь различия в эмоциональной окраске. Так, биографический нарратив барона Николая Егоровича Врангеля, которому, как считают исследователи, суждено было стать «малоизвестным отцом двух известных сыновей: известного искусствоведа Николая Николаевича и последнего главнокомандующего вооружёнными силами Юга России в 1920 г. Петра Николаевича Врангелей»⁶, человека отнюдь не самых консервативных взглядов, до конца 1918 г. наблюдавшего за развитием событий в революционной России, а затем скитавшегося по городам Европы, перенасыщен ремарками откровенно оценочного политического характера. И это несмотря на то, что оба принадлежали к аристократическим слоям российского общества. Князь, в отличие от барона, удалось подняться над предрассудками людей своего круга.

В семье Долгоруковых, проживающей ныне в США, бережно хранятся и передаются из поколения в поколение рассказы о братьях-близнецах Павле Дмит-

⁴ Напр.: Шелохаев В.В., Канищева Н.И. Пётр Дмитриевич Долгоруков // Вопросы истории. – 2001. – № 8. – С. 68–79.

⁵ Один из наиболее ярких примеров – мемуары С.Ю. Витте, в которых единственным непогрешимым человеком выступает сам автор (см.: Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. – М., 1991). Читая мемуары лидера кадетской партии П.Н. Милюкова (см.: Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1991), понимаешь, что это писал не известный историк, а скорее политик, причём весьма догматичного склада (именно так некогда охарактеризовал его В.О. Ключевский). Примеров персонально-политической аберрации исторического зрения можно привести бесчисленное количество.

⁶ Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста А. Зейде. – М., 2003. – С. 5. Врангель написал воспоминания в Финляндии; в 1922 г. они были опубликованы на финском, в 1924 – на русском языке.

риевиче и Петре Дмитриевиче⁷. Но «преданья старины далёкой» в данном случае будут лишь подсказкой к текстам, на основании которых воссоздается исторический портрет Павла Дмитриевича и апробируется содержательность его воспоминаний.

В своё время советские историки ожесточённо спорили о «классовой природе» русского либерализма: следует ли его считать «помещичьим», соответственно социальной принадлежности таких лиц, как Долгоруковы, или, напротив, объявить его «буржуазным», как на Западе. На деле либерализм в России становится по преимуществу интеллигентским, поскольку в нём всё более преобладали лица свободных профессий. На этом фоне Павел Долгоруков смотрится необычно: потомок Рюриковичей, камергер, побывал и в роли губернского предводителя дворянства, и «обуржуазившегося» помещика, и убеждённого пацифиста, находившегося в близких отношениях с Л.Н. Толстым, и интеллигентного партийного публициста. В известном смысле в его личности фокусируется вся история русского либерализма, эволюционировавшего от аристократической фронды до радикальной оппозиционности. Чем это было обусловлено?

В известной мере ключ к пониманию личности и мемуарной стилистики Павла Дмитриевича даёт судьба его отдалённого родственника – «князя-республиканца» Петра Владимировича Долгорукова (1816–1868 гг.), автора знаменитых «Петербургских очерков»⁸, беспощадно обнажившего малоприглядные нравы николаевской России, скрытые за блестящим фасадом. П.В. Долгоруков, будучи человеком крайне желчным, выступил в роли князя Курбского своего времени, пытавшегося яростно обличать деспотию с аристократических позиций. Павел Дмитриевич, напротив, стремился бороться с самодержавием, а затем и большевизмом не как критиканствующий либерал, а как последовательный демократ. В этом он видел своё призвание и долг.

Будучи по происхождению куда более именитыми, чем Романовы, Долгоруковы–Рюриковичи отстаивали своё право на *самостоятельное* понимание интересов России. На протяжении веков они отстаивали своё право быть в первую очередь верными Отечеству, а уже затем самодержцам. Каждое их поколение придерживалось простых установок: долг, честь, служение, которые корректировались собственными, независимыми от власти представлениями о благе России. Естественно, это периодически создавало напряжённость во взаимоотношениях с царедворцами и правящей бюрократией.

Если говорить о ближнем родстве, то по отцовской линии дед братьев Петра и Павла Николай Васильевич Долгоруков был действительным статским советником, президентом Придворной конторы. Материнская родословная была не менее яркой – фамилия Орловых-Давыдовых говорит сама за себя. Оба рода принадлежали к числу крупных землевладельцев. Братья Пётр и Павел с раннего детства были окружены не только гувернантками «с манерами», но и опытными домашними учителями. Родительский дом в Москве был полон людьми, оставившими заметный след в истории. Среди них были идеологи Великих реформ братья Са-

⁷ Лев Викторович Долгоруков – один из потомков Петра Дмитриевича Долгорукова.

⁸ Долгоруков П. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. – М., 1992.

марины, И.С. Аксаков, видные представители московской церковно-православной среды о. Григорий (Ключарев, впоследствии Харьковский епископ Амвросий), профессор Московского университета о. Иоанн Иванцов-Платонов и др.⁹ В общем, это были представители московской (а не петербургской) либеральной среды, отмеченной чертами славянофильства и патриархального народолюбия. Мать (графиня Орлова-Давыдова) проводила так называемые «швейные вечера», на которых дамы шили одежду для арестантов находящейся неподалеку пересылочной тюрьмы, а тем временем просвещённые друзья дома читали «швеям» патетические произведения о любви к Родине и народу.

В семье большое значение придавалось религиозному воспитанию, включавшему непременно посещение особо любимых кремлевских церквей и даже с общением с «божьими людьми»¹⁰. С другой стороны, практиковалось свободное общение подрастающих баричей с крестьянскими детьми во время летних выездов в подмосковное родовое имение Волинщина (Рузского уезда).

Воспитывали в детях и то, что сегодня называется исторической памятью. Стены домов были увешаны портретами знаменитых предков, их награды и военные трофеи были выставлены в специальных витринах, в приусадебной церкви в имении Волинщина и семейном склепе Орловых в селе Отрада (Серпуховского уезда) возвышались грандиозные надгробные памятники усопшим предкам¹¹. Словом, братьям Долгоруковым с «младых ногтей» было известно, чьё имя они носят и каким высоким критериям обязаны соответствовать.

Следование традициям не вытесняло, однако, индивидуальность. Братья обучались в учебных заведениях разных типов – соответственно своим склонностям. Петр окончил Первую Московскую классическую гимназию, Павел, более склонный к естественным наукам, обучался в частной реальной гимназии, что для выходца из аристократической среды было необычно. «Для гимнастики ума» дома продолжались занятия с частными преподавателями. В 18 лет юноши поступили в Московский университет, где прошли все обычные ступени тогдашнего взросления – от «московского студенческого буршества» до серьёзного увлечения науками. В 1889 г. по окончании курса Пётр направился вольноопределяющимся в Нижегородский драгунский полк, а Павел по причине нездоровья (отслоение сетчатки) вынужден был начать светскую карьеру в качестве чиновника Государственной канцелярии при Государственном Совете¹². Впрочем, на этой стезе он не удержался и по истечении года службы удалился в свою «вотчину» в Рузский уезд¹³.

В судьбе братьев Долгоруковых поворотную роль сыграл 1891 г.¹⁴, когда они в составе депутации земских деятелей оказались в голодающей Самарской губер-

⁹ Долгоруков П.Д. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков / Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 300.

¹⁰ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 301–302.

¹¹ Там же. – С. 303–304.

¹² Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 316, 318.

¹³ 25 мая 2005 г. в г. Руза Московской области на стене бывшего здания уездной земской управы была открыта мемориальная доска следующего содержания: «В этом бывшем здании уездной земской управы работал выдающийся либеральный земский деятель, предводитель дворянства Рузского уезда князь Павел Дмитриевич Долгоруков (1866–1927)».

¹⁴ Заметим, что некоторые западные авторы ведут с этой даты историю русской революции (см.: *Figes O. Peoples' Tragedy: The Russian Revolution, 1899–1924.* – L., 1997). Кстати, Орландо Файджес, автор наиболее известной в настоящее время на Западе книги о русской революции, ссылается только на ту часть мемуаров, которая посвящена деятельности Освага (Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 129–130) – воспоминания вновь оказались недооцененными.

нии. К этому времени Павел Дмитриевич уже был предводителем дворянства и имел некоторый опыт организаторской работы. Возможно, под впечатлением увиденного (беспомощность крестьянства, нерасторопность чиновничества) он попытался основательно заняться хозяйством в своей подмосковной усадьбе, а затем втянулся в земскую деятельность. Точно так же поступил и Пётр Дмитриевич, однако применение своим силам он нашёл в курском имении. Хотя виделись братья только на праздники – Рождество и Пасху – их дела и поступки поразительно схожи: постоянные дебаты в земских собраниях (хотя, по словам Петра Дмитриевича, его брат не отличался красноречием), участие в работе всевозможных комиссий, совещаний, съездов¹⁵. При этом оба стремились реализовать себя в качестве рачительных хозяев: Павел Дмитриевич строил лесопильные заводы и склады, Пётр Дмитриевич разводил породистый молочный и рабочий скот. Примечательно, что тот и другой при случае с усердием гедонистов предавались светской жизни. В политику они пришли естественно и сознательно: выполнить свой долг перед народом и внести посильный вклад в дело преобразования России представители высшего служилого сословия иначе уже не могли – тогдашняя бюрократия не оставила выбора. Оба они немало потрудились в лоне кадетской партии в дореволюционный период, затем в эмиграции. Но книга «Великая разруха» повествует не только и не столько об этом. Это рассказ о той «разрухе в головах», которая определила облик и смысл революционной эпохи, реалии которой сегодня столь основательно искажены навязанными сверху идеологиями и людскими предрассудками.

* * *

Первая глава воспоминаний (Февральская революция 1917 г.) начинается лаконичным комментарием событий осени 1916 г. – разгара Первой мировой войны. Ход событий воспринимался тогда автором, как и многими его современниками, не как надвигающаяся катастрофа, а как закономерный итог ослабления государственности (сходных взглядов придерживался и П.Н. Милюков). Последнее ассоциировалось с «распутинством», «министерской чехардой», «слабостью характера Государя и вмешательством в назначения Государыни»¹⁶. Характерно, что «возможность падения власти», по мнению мемуариста, ощущались всеми¹⁷. Долгоруков отмечал, что даже некоторые монархисты ожидали «оздоровления власти», надеясь тем самым спасти положение – именно так оценивалась перспектива отречения императора от трона¹⁸. Но что характерно, Павел Дмитриевич, оставаясь пацифистом, был убежден в необходимости продолжать войну до победного конца. Лично для него было характерно понимание *своевременности* тех или иных идей и нравственных максим. Вместе с тем все тогдашние либералы не хотели ду-

¹⁵ См.: Белокопский И.П. Земство и конституция. – М., 1910; Витте С.Ю. Указ. соч. – С. 536, 560; Милюков П.Н. Указ. соч. – С. 168, 182, 188 и др.; Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. – М., 2007. – С. 248, 258.

¹⁶ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 9.

¹⁷ Действительно, об этом писали многие. См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. – М., 2000. – С. 88; Богданович А. Три последних самодержца. – М., 1990. – С. 253–254, 269, 274; Кокорцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1911–1919. – М., 1991. – С. 465.

¹⁸ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 9.

мать о том, что опыт Французской революции вряд ли применим в России: война, начатая «негодным» самодержцем, вряд ли будет продолжена народом, не готовым стать хозяином своей судьбы.

Февральская революция (в тексте именуемая переворотом) застала Долгорукова в подмосковной деревне, откуда он сразу же направился в Москву, затем в Петроград. Он показывает, как быстро стали рассеиваться постреволюционные иллюзии, а общественная «атмосфера все сильнее наэлектризовывалась, тучи сгущались». Из контекста воспоминаний видно, что в сознании либерала Долгорукова постепенно вызревает идея военной диктатуры как единственной силы, способной поддерживать власть и порядок. Впрочем, сначала ему казалось, что спасительную роль сыграет Государственная дума, получившая власть, «выпавшую из рук государя», но скорые и решительные меры Временного правительства, признавшего думу нелегитимной, а затем «засилие Совета Солдатских и рабочих депутатов», наконец, «знаменитый приказ по армии № 1» заставили задуматься о необходимости «твёрдой власти»¹⁹. В общем, подобную эволюцию проделали все либералы, однако Долгоруков пришёл к этому ранее многих из них. *Post factum* он писал, что «надлежащий вождь-диктатор» мог спасти Россию, появившись он в момент отречения императора от власти²⁰.

Без истерического надрыва, но с болью Павел Дмитриевич повествует, как в столицах и провинции происходила смена власти: разоружали офицеров, занимали кабинеты бывших министров, арестовывали первых «контрреволюционеров». Как и многие другие мемуаристы, он отмечает характерную деталь тех дней: иные напуганные озлоблением народа бывшие высокопоставленные чиновники сами приходили «со сверточками, с необходимыми под арестом вещами», надеясь быть арестованными по доброй воле во избежание слепой расправы²¹. Шквал тогдашних арестов описан и в «Воспоминаниях» Н.Е. Врангеля: «... Арестовывают кого попало и кого заблагорассудится. Аресты производятся не по ордерам, а просто добровольными энтузиастами»²². При этом настроение Врангеля было более тревожным²³.

Представляется, что даже по прошествии времени Долгоруков тонко передал атмосферу смятения, охватившую самые различные слои общества. Одни спешили «примкнуть» к революции: иные эйфоричные ораторы из числа «интеллигентной публики» охрипли от речей на уличных митингах, аристократы и гвардейские офицеры шеголяли красными бантами²⁴. Другие были обеспокоены проявлениями безвластия и начавшимся расхищением художественных ценностей²⁵. Как и все современники событий, Долгоруков отмечает пагубный разлад между Государственной Думой и Временным правительством. Вместе с тем он указывает на серьёзные разногласия в стане кадетов, оказавшие весьма пагубное влияние на развитие событий.

¹⁹ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 13–18.

²⁰ Там же. – С. 10.

²¹ Там же. – С. 12.

²² Врангель Н.Е. Указ. соч. – С. 356, 360. Сходные страхи перед толпой испытал монархист В.В. Шульгин. См.: Шульгин В.В. Дни. – М., 1989.

²³ Врангель Н.Е. Указ. соч. – С. 344–358.

²⁴ В памяти барона Врангеля сохранились трагикомичные сцены ловли переодетых «фараонов», некоторым подозреваемым некое внешнее сходство с бывшими полицейскими стоило жизни. См.: Врангель Н.Е. Указ. соч. – С. 353–356.

²⁵ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 14–15.

Но, по мнению автора, наиболее опасная ситуация сложилась в армии, где возымел своё разрушающее действие печально известный Приказ № 1²⁶. Фактически он парализовал действия политиков, надеявшихся, «что речами можно задержать развал армии». Тем не менее сам Долгоруков, как представитель Государственной Думы, отправился на фронт увещевать бунтующих солдат²⁷. Сегодня политическая наивность и бесперспективность подобных действий очевидна, тем более что в это время туда же с пропагандистской миссией направлялись и депутаты-социалисты, риторика которых была ближе и понятнее уставшим от войны людям. Павел Дмитриевич отметил интересную деталь: умеренный социалист пропагандировал самую примитивную форму уравниловки²⁸. В целом Долгоруков воспринимал Февральскую революцию как закономерный, хотя и исторически нежизнеспособный переворот. Подобное представление засвидетельствовано и в других известных воспоминаниях²⁹.

Более обстоятельно фронтовые впечатления Павла Дмитриевича излагаются во второй главе книги – «Поездка на фронт. Апрель 1917 г. (Начало разложения армии)»³⁰. Следует подчеркнуть, что в армии он изначально видел оплот российской государственности (позднее это переросло в стремление сделать из неё основную силу антикоммунистической борьбы), что для тогдашних либералов было не совсем типично. По этому вопросу он разошёлся с бессменным лидером кадетской партии П.Н. Милюковым. «Армейская тема» не случайно пронизывает текст «Великой разрухи».

Особенно беспокоили Долгорукова возвращавшиеся в свои деревни «с пением и гиканьем» солдаты, «настроение которых было сумрачное, неопределённое». По его мнению, «деревня не особенно ласково встречала дезертиров и выпроваживала их вновь на фронт»³¹. Это весьма любопытное свидетельство: обычно историки пишут о том, что солдаты (как отпускники, так и дезертиры) привносили в деревенскую общину дух антипомещичьей и антихуторской агрессии³². В действительности, судя по всему, сельские жители поначалу были не особенно рады своим хулиганствующим землякам, намеренных поскорее устроить «чёрный передел». Разложение армии также не носило пока тотального характера. Посещение казачьей дивизии генерала П.Н. Краснова (в сопоставлении с увиденным позднее) показало, что это была одна из немногих сохранившихся частей прежней армии, где военная выправка, дух и настроения солдат не подверглись коррозии. Автор объясняет этот феномен выдающимся организаторским талантом и личным авто-

²⁶ Об отношении Павла Дм. Долгорукова к Приказу № 1 см. подробнее: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. – М., 1998. – С. 82–83.

²⁷ Там же. – С. 14–21.

²⁸ П.Д. Долгоруков честно признал, что выступление этого «оборонца» имело среди солдат куда больший успех – правда, лишь в той его части, где тот заявлял, что «барыш должен быть разделён между хозяином и работниками поровну». См.: *Кн. Павел. Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 27–28.

²⁹ См.: *Врангель Н.Е.* Указ. соч. – С. 360–362; *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. – М., 1992. – С. 246–250; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. – М., 1991. – С. 369 и др.

³⁰ *Кн. Павел. Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 22–39.

³¹ Там же. – С. 22.

³² Напр. см.: *Ильюхов А.А.* Роль солдат в революции 1917 г., или кто «делал» революцию в Смоленской губернии // *Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению.* – М., 1997; *Buldakov V.P.* Soldiers and Changes in the Psychology of the Peasantry and Legal and Political Consciousness in Russia, 1914-23 // *The Soviet and Post-Soviet Review.* – 2000. – Vol. 27. – Nos. 2–3; etc.

ритетом Краснова³³ (хотя, заметим, к моменту создания воспоминаний они идейно разошлись).

И тем не менее, по мнению Долгорукова, «доза свободы», полученная армией в результате Февральской революции, оказалась для неё смертельной³⁴. Через полтора месяца после февральских событий упадок дисциплины приобрёл необратимый характер. Мемуарист считал, что главную роль в этом сыграли полковые (и другие) солдатские комитеты, в которые «выбирались самые плохие офицеры, демагоги, ухаживающие за солдатами, чем-нибудь недовольные и озлобленные против своего начальства, которые своё новое положение и власть ставили превыше всего и с самого начала стремились подорвать авторитет командования»³⁵. Между тем социалисты и даже некоторые либералы полагали, что комитеты способны «спасти» армию. Павел Дмитриевич оказался дальновиднее.

Вместе с тем на причины развала армии он смотрел шире: «В современной войне побеждает культурность вообще, в частности, развитие промышленности»³⁶. Действительно, дефицит снарядов на фронте сыграл в 1915 г. поистине роковую роль в последующей судьбе России – народ перестал верить в силу и возможности существующей власти. 18 дней пребывания на фронте убедили либерального политика в том, что «по свержении большевиков, чтобы Россия могла занять подобающее ей место, надо будет длительно подымать до общеевропейского уровня её промышленность, её культуру, её грамотность. Иначе России грозит участь Турции в Европе, то есть она будет оттиснута в Азию»³⁷. А пока, по его мнению, необходимо «восстановление авторитета и власти офицера и устранение двоевластия». Исследователи отмечают, что именно в это время он открыто начал говорить о военной диктатуре, считая, что «кто бы ни являлся диктатором, но раз ему военная сила подчиняется, и он может одолеть разбушевавшуюся стихию военной силой, он приемлем и желателен»³⁸. Необходимость установления «твёрдой власти» ещё более укрепляется в его сознании. Последующий год описан князем лаконично: «Министры менялись, власть их постепенно умаялась, Совета Солдатских и Рабочих Депутатов всё росла, фронт окончательно разваливался, большевизм креп, становился на ноги, расправлял свои корявые члены»⁴⁰. Это время для него было заполнено подготовкой к созыву Учредительного Собрания, которое, как ему казалось, «должно было вывести Россию из состояния почти анархического», виной которому было согла-

³³ Кн. Павел Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 23.

³⁴ Н.Е. Врангель проводит ту же мысль, основываясь на впечатлениях, полученных в Петрограде, где находились гвардейские части (См.: Врангель Н.Е. Воспоминания. – С. 360–361).

³⁵ Кн. Павел Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 34.

³⁶ Н.Е. Врангель отмечает иную форму разлагающего влияния тыла – пребывание в госпиталях, где страдающие воинам «милые дамы и девицы» развлекали раненых «граммофоном, пением, ... разными лакомствами и сладостями». Ранее «добродушный солдатик [...] выходил оттуда уже неудовлетворённый своим первобытным положением, на всю жизнь заражённый городскими потребностями». По отзывам ротных и эскадронных командиров «раненые из петербургских госпиталей возвращались в свои части отпетыми и своими рассказами развращали и других солдат» (Врангель Н.Е. Указ. соч. – С. 341).

³⁷ Кн. Павел Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 36.

³⁸ Цит. по: Думова Н.Г. Кончилось ваше время. – М., 1990. – С. 168.

³⁹ Кн. Павел Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 39.

⁴⁰ Там же. – С. 39. Другие мемуаристы были менее сдержаны по этому поводу и давали просто убийственные характеристики членам Временного правительства. См., например: Врангель Н.Е. Указ. соч. – С. 365–367.

шатательство, повлекшее за собой «прогрессирующий паралич власти»⁴¹. Это были обычные иллюзии противников большевиков. Однако после падения Временного правительства Долгоруков стал оценивать перспективы Учредительного собрания более сдержанно, а порой иронично. «Над Кремлёвским Дворцом развеивается огромный красный флаг – писал он. – Грустно, отвратительно! Хотя с чисто пейзажной точки зрения это красное пятно, пожалуй, и красиво». «Удивляемся, смеёмся, негодуем, – констатировал Долгоруков и продолжал: – это было бы комично, если бы не привело впоследствии к убийству Шингарёва и Кокошкина»⁴².

Впрочем, выборы в долгожданную конституанту, давшие кадетам ничтожное число голосов, князь признавал справедливыми, во всяком случае – в Москве. Посетив несколько избирательных пунктов, он установил, что наиболее востребованными списками были «социалистическо-большевицкие»⁴³. Поражение кадетов он считал закономерным результатом непрерывной внутри- и межпартийной борьбы. Разумеется, причины лежали глубже. Долгоруков находился в плену заблуждений, свойственных всем российским либералам: несмотря ни на что, революция расценивалась ими как проявление «воли народа», полномочное Учредительное собрание как полноценная замена монархической власти и т. п.⁴⁴

Любопытная деталь: от внимания Долгорукова не ускользнуло то, что москвичи-обыватели, далёкие от политики, даже под обстрелами продолжали жить в сутолоке повседневности: молодежь развлекалась, венчались парочки, аполитичные обыватели, даже рискуя быть арестованными в ночное время, засиживались в гостях и т. п.⁴⁵

При этом Павел Дмитриевич удивлялся, «как в такое короткое время у большевиков оказалось столько исполнителей и столько перешло к ним»⁴⁶. Удивлялись этому и другие мемуаристы, полагавшие, что на службу к новым хозяевам шли политически наивные люди – то ли из корысти, то ли по нужде⁴⁷. К этому склонялся и сам Долгоруков, вспоминая об офицере, готовом бездумно служить любой власти⁴⁸. На деле всё было много проще. Столицы были переполнены безработными беженцами – в значительной степени латышами и евреями. Именно они превращались в индифферентных наёмников новой власти. Кстати, в мемуарах Долгорукова, в отличие от воспоминаний других правых кадетов, нет ни тени усилившегося в то время бытового «антибольшевистского» антисемитизма.

В Москве после ноябрьских боёв победители были настроены благодушно, свидетельствовал Долгоруков, «террора ещё сильного не было»⁴⁹. Иная обстановка сложилась в Петрограде, где «большевики начали уже проявлять полноту своей власти». Туда князь отправился вместе со своими единомышленниками (Н.И. Астровым, А.И. Шингарёвым, Ф.Ф. Кокошкиным) в качестве депутата Учредительно-

⁴¹ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 41.

⁴² Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 62.

⁴³ Там же. – С. 47.

⁴⁴ Рассуждения на эту тему встречаются и в других текстах. См., например: Маклаков В.А. Власть и общество на закате старой России: (Воспоминания современника). – Б.м., б.г. – Т. 3. – С. 403–418.

⁴⁵ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 48–53.

⁴⁶ Там же. – С. 54.

⁴⁷ Аничков В.П. Екатеринбург–Владивосток. (1917–1922). – М., 1998. – С. 81–83.

⁴⁸ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 61.

⁴⁹ Там же. – С. 54.

го собрания⁵⁰. К этому времени либералы пребывали в смятении: одни уповали на долгожданное «торжество народовластия», другие предостерегали отъезжающих от рискованного путешествия в «колыбель революции», третьи предусмотрительно обзаводились поддельными паспортами (среди них был и П.Н. Милюков)⁵¹. Как оказалось, последние оказались наиболее предусмотрительными.

Печальная судьба Учредительного собрания хорошо известна из работ историков⁵². Ещё до открытия участь его была предрешена, кадеты были объявлены партией «врагов народа»⁵³. Описывая подробности своего ареста, Долгоруков с иронией вспоминает, что по пути к месту заключения ему встречались депутации с транспарантами «Вся власть Учредительному Собранию». «Хороша власть, когда Член этого Собрания... под арестом», – комментировал он⁵⁴. Трёхмесячное пребывание в тюрьме князь перенес философски – возмущение беззаконием сочеталось с ... упоением свободой (!). «Я был оглушен тишиной, – вспоминал он. – Тишина, спокойствие и ... свобода. Свобода располагать своим временем. Ни звонков, ни телефона... Газеты, свидания, провизия, – ослабленный в сравнении с царским, революционный тюремный режим»⁵⁵. За три месяца ему удалось перечитать массу произведений русских классиков, включая «несколько прекрасных вещей Горького», и «передумать» прошлое. Без труда он опубликовал в кадетской газете «Речь» своё «Открытое письмо Народным Комиссарам», достал несколько экземпляров и раздавал своим надзирателям – «какая свобода печати была тогда!»⁵⁶. Посещения родственников, товарищей по партии, встречи с «соседями» – бывшими министрами Временного правительства, думцами, представителями политического Красного Креста, осмотры тюремного врача, изредка – церковные службы в Петропавловском соборе разрывали замкнутое пространство и смягчали удар судьбы.

Интересны впечатления Долгорукова от контингента надзирателей – новообращённых большевиков. Некогда разнузданные солдаты и даже матросы, призванные выполнять новую государственную миссию – охранять политических преступников, – становились дисциплинированными. А иные «барские» замашки заключённых, вроде обращений по имени-отчеству, пожимания рук, раздачи чаевых и вовсе заставляли симпатизировать и покровительствовать им. Напротив, гарнизон Петропавловской крепости, и без того озлобленный, освирепел после январского («бутафорского», по словам Долгорукова⁵⁷) покушения на Ленина⁵⁸.

⁵⁰ О себе Долгоруков заявлял, что был единственным, кого поддержали избиратели от губернии, хотя и при поддержке крайне правых (см.: *Кн. Павел. Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 54–55). Удостоверение П.Д. Долгорукова-депутата, выписанное Московской окружной комиссией сохранилось, его копия представлена в книге.

⁵¹ *Кн. Павел. Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 98. Едва заметная былая неприязнь к Милюкову с этого времени воспоминаний обретает форму резких упреков. Долгоруков считал (возможно, не без оснований), что лидер кадетов уже тогда принял «немецкую ориентацию» ради борьбы с большевизмом.

⁵² См.: *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. – Л., 1976; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. – М., 1997.

⁵³ *Протасов Л.Г.* Указ. соч. – С. 272; *Кн. Павел. Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 58.

⁵⁴ *Кн. Павел. Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 59.

⁵⁵ Там же. – С. 64–65.

⁵⁶ Там же. – С. 69.

⁵⁷ Там же. – С. 77.

⁵⁸ Согласно другим воспоминаниям, солдаты Петропавловской крепости периодически затевали между собой дискуссии: следует ли им охранять деятелей старого режима или следует их просто расстре-

Чрезвычайно интересны сделанные Долгоруковым психологические портреты своих конвоиров и узников – в них попеременно проявляла себя то старая склонность повиноваться, то новая привычка не признавать никаких авторитетов. Иные из них, флегматично рассказывая, как они расстреливали и добивали штыками офицеров, могли тут же пожалеть какого-нибудь хромоногого голубя. «Одно – сочлен кровожадной, зачумлённой толпы, другое – простой человек в жизненном обиходе», – весьма тонко комментировал князь⁵⁹. Заметил он ещё один парадокс большевистской революции: чекистам фактически пришлось охранять его, выпущенного из тюрьмы, от расправы со стороны солдат петроградского гарнизона⁶⁰.

Обращает на себя внимание и ещё один фрагмент воспоминаний. Во второй половине февраля в Петрограде настроение на улице было «антибольшевистское, власть большевиков как-то сдала, и можно было громко критиковать её». «Я был поражён, – писал побывавший на некоторых стихийных митингах князь, – как на них ругали большевиков и даже сам выступил с критикой их»⁶¹. Большевиков привели к власти недовольные властью толпы, которые теперь были недовольны своими новыми хозяевами – таков контекст этой части воспоминаний Долгорукова.

Следующая часть воспоминаний раскрывает особенности «триумфального шествия советской власти» по городам России (география определялась вынужденными странствиями Долгорукова): Москва, Екатеринодар, затем Ростов и Новороссийск, Феодосия и Севастополь. Кроме лаконичных, но ярких характеристик быта «бывших» в годы гражданской войны, автор обстоятельно передаёт перипетии внутривнутрипартийных дискуссий о будущем России, воспроизводит фрагменты деятельности «подпольных организаций» – Бюро Центрального комитета кадетской партии, «надпартийного» Национального Центра, «междупартийного объединения» – Правого Центра, кадетского клуба. Не раз Долгоруков намекает на связи с единомышленниками из провинции. По его словам, кадеты стремились к консолидации собственных сил, презируя «подсказки» ренегатов-германофилов, призывавших спасти Россию с помощью немецких штыков (из числа последних персонально удостоивается авторского порицания лишь П.Н. Милюков⁶²). «Главная партийная работа наша и состояла именно в образовании широкого междупартийного и общественно-политического фронта, долженствующего подпереть противобольшевицкую военную силу, дать точку приложения союзнической помощи и способствовать образованию русской государственности⁶³», – уверял он. Строго говоря, такая оценка отражала скорее его личную установку, нежели объективную ситуацию в антибольшевистском лагере. Как бы то ни было, его личная, не лишённая характерного для него донкихотства позиция на фоне продолжающихся межпартийных склок кажется весьма дальновидной.

лять, а трупы спустить в Неву. См.: *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. – Париж, 1985. – С. 189.

⁵⁹ *Кн. Павел Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 71. Резкие перепады настроения у революционных матросов – от жестокости до сентиментальности – отмечали и другие мемуаристы. См.: *Коквицов В.Н.* Указ. соч. – С. 505.

⁶⁰ *Кн. Павел Д. Долгоруков* Указ. соч. – С. 93.

⁶¹ Там же. – С. 95.

⁶² Там же. – С. 112.

⁶³ Там же. – С. 111.

Описывая свой путь к южной границе России, рассказывая о своём общении с членами кадетской партии, мемуарист попутно комментирует действия белой армии, характеризуя заодно её командующих⁶⁴. В отличие от других политиков и некоторых белых генералов, он не склонен был ни приукрашивать нравы белогвардейцев, ни предаваться ставшему модным в эмиграции «разоблачению военщины». Он считал, что особенно трудно «облагородить гражданско-партизанскую, худшую из войн», и признавал, что в Добровольческой армии «развращение, особенно юношества, огромное». Но это не останавливало его антибольшевистский настрой: «Если мы считаем большевизм злом, разрушающим нашу Родину, то мы должны были сделать всё, не смущаясь даже ужасами гражданской войны, чтобы вырвать её из этого зла и, увы! Не приходится при современном состоянии государственности и человечества смущаться зверствами войны, мириться как с неизбежным пока злом, каковым является всякая война»⁶⁵.

Любопытен его подход к вопросу о соотношении жестокостей противоборствующих сторон. «Превосходили ли зверства большевиков количественно и качественно? Не знаю, – отвечал он. – По слухам и анкетам с нашей стороны – да. Но на войне всегда преувеличивают злодеяния противника, и у большевиков белый террор изображался куда ужаснее красного»⁶⁶. Такие – увы, крайне редкие – заявления, безусловно, делают честь автору, стремящемуся быть беспристрастным, несмотря ни на что.

Весьма примечательно, что только посещение Кубани позволило Долгорукову сохранять надежду на рождение именно здесь «новой русской государственности». Пространный монолог, воспевающий славное прошлое и великое будущее Кубани, – один из немногих пафосных фрагментов в тексте воспоминаний⁶⁷. Это тем более примечательно, что у деникинцев складывались особенно напряжённые отношения с кубанскими «самостийниками»⁶⁸, кадеты также не жаловали их из-за политической «левизны». Долгоруков, со своей стороны, считал, что «группу политиков и политиканов не следует смешивать с казачьей массой, а при возрождении России центроустремление неизбежно одержит верх над центробежностью»⁶⁹.

Известно, что, находясь на юге России, князь активно работал в Осваге, организовывал многочисленные публичные выступления, всё ещё надеясь пылкими речами сплотить патриотов и спасти Родину⁷⁰. Лейтмотив его речей, а также лекторов, объединённых им в небольшие группы, – большевизм – страшное зло, разрушающее Россию, значит, нужно «... сделать всё, не смущаясь ужасами гражданской войны, чтобы вырвать её из этого зла»⁷¹. Его удручал «массовый исход» соотечественников в эмиграцию – он пытался убедить их, по его мнению, равнодушных и малодушных, «одержимых стадным инстинктом» – остаться и продолжать борьбу, если они могут «... держать в руках винтовку, лопату или перо».

⁶⁴ Там же. – С. 128, 131–133, 142–143, 176–177 и др.

⁶⁵ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 152, 153.

⁶⁶ Там же. – С. 153.

⁶⁷ Там же. – С. 136–139.

⁶⁸ Один из руководителей Кубанской рады – священник А.И. Калабухов был деникинцами повешен за «измену». См.: Федюк В.П. Кубань и Добровольческая армия: истоки и суть конфликта // Гражданская война в России: События, мнения оценки. – М., 2002. – С. 403–409.

⁶⁹ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 137.

⁷⁰ Там же. – С. 160–161, 180–181 и др.

⁷¹ Там же. – С. 153.

Особо огорчали те, кого он совсем недавно считал своими единомышленниками. «Они называли меня Дон Кихотом, а я их – гражданскими дезертирами», – писал Долгоруков⁷². Страницы мемуаров, посвящённые «деникинскому» периоду борьбы с большевизмом, ещё окрашены чувством патриотизма, пропитаны надеждой на победу белого движения. На страницах, посвящённых «врангелевскому» периоду, отражён уже менее оптимистичный настрой автора. Как известно, Врангель и Деникин основательно рассорились; первый упрекал второго, что тот вёл войну с большевиками руками всевозможных авантюристов, игнорируя старые традиции русской армии. Разумеется, Долгорукову был ближе Врангель (хотя он и отмечал его «политические ошибки» в эмиграции⁷³), но он не преминул сказать на страницах мемуаров в адрес Деникина несколько тёплых слов, даже описывая вынужденную и беспорядочную эвакуацию белогвардейцев из Новороссийска. Это были уже «скорее банды солдат... в лохмотьях, без обозов, часто без оружия, ...из-за нехватки провианта учинявшие грабежи и бесчинства», – признавал он. – «Это было не войско, а военный сброд, который внушал опасение в настоящем и мало обещал хорошего в будущем»⁷⁴. Тем не менее усилиями Врангеля («он был ближе к типу диктатора») эта деморализованная масса «превратилась в боеспособное войско»⁷⁵.

«Почему пал Крым» – ответ на этот вопрос Долгоруков так и не смог найти. Вместо перечисления хрестоматийных (т. е. объективных) причин, связанных с перевесом сил большевиков, и таких «субъективных факторов», как «плохое укрепление Перекопа» или «катастрофа замерзания Сиваша», он, однако, упоминает «экономическую разруху маленького тыла». Строго говоря, прийти к такому заключению было нелегко, так как врангелевские министры вели весьма продуманную (сравнительно с деникинской) хозяйственную политику. Кстати, эвакуацию 130 000–140 000 человек автор оценивает как «блестящую страницу в военной истории»⁷⁶. Так или иначе, но Павел Дмитриевич и семья его брата спешно эвакуировались из Крыма.

Следующие разделы воспоминаний посвящены жизни и раздумьям князя в эмиграции. Долгоруков, покидая Россию, в полном смысле слова лишился всего: его багаж потерялся безвозвратно, на корабле он был вынужден разместиться «на матрасе возле каюты баронессы Врангель», а в Константинополь прибыл «исхудавший, без денег, оборванный»⁷⁷. Однако и в этой части воспоминаний нет места злобе и проклятьям в адрес большевиков (чего нельзя сказать о многих других текстах очевидцев). Князь стоически переносил свои несчастья, очевидно не на минуту не забывая о том, что они – ничто, сравнительно с трагедией его родины.

На страницах мемуаров, посвящённых жизни в Константинополе, есть замечательная зарисовка, напоминающая сцены одного известного романа: «Бывшие офицеры торговали на улицах пончиками и другими предметами. Открывалась масса русских магазинов, ресторанов и других учреждений, до тараканьих бегов включительно.

⁷² Там же. – С. 160–162.

⁷³ Кн. Павел Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 238.

⁷⁴ Там же. – С. 171.

⁷⁵ Там же. – С. 176. К фигуре Врангеля, его полководческому таланту и попыткам консолидировать русскую армию за границей Долгоруков не раз обращается в части воспоминаний, посвященной эмиграции.

⁷⁶ Там же. – С. 188–189.

⁷⁷ Там же. – С. 191, 195.

В числе русских ресторанов были самые лучшие и самые дорогие в Константинополе. Во многих ресторанах служили русские дамы. Богатые интернациональные клиенты (греки, армяне, левантинцы, евреи, еспаньолы) вносили наиболее соблазна среди них и немало моральных и семейных устоев рухнуло в Константинополе, который и в обычное время представлял из себя международное торжище свободными нравами»⁷⁸. Драма империи передаётся автором так, будто он опасался кого-то задеть неосторожным словом.

Из этого вовсе не следует, что князь Павел Дмитриевич Долгоруков смиренно принял революцию. Заключительная часть воспоминаний показывает, что в эмиграции не оставлял попыток «спасти Россию», чем выгодно отличался от подавляющей части соотечественников. Тем временем энергия лидеров кадетской партии уходила на то, чтобы сохранить её единство. Последнее было делом безнадёжным, что признавал и Долгоруков. Ещё один «неортодоксальный» (правый) кадет В.А. Маклаков в связи с этим иронизировал, что за границей «... партийные лидеры догадались наконец её (партию. – Т.Л., Л.Д.) расколоть, как будто только для того, чтобы заставить всех удивляться, что подобная неоднородная партия могла до тех пор существовать...»⁷⁹ По мнению Долгорукова, причина краха русского либерализма в эмиграции – в пагубном курсе Милюкова на сближение с левыми партиями и попытках предстать «крестьянской» партией⁸⁰. И здесь надо признать, что курс на гражданское единение в тех условиях был не менее утопичен, чем курс Милюкова – для крестьян, как и рабочих, любой интеллигентный человек теперь казался недобрым «баринном».

Историкам русской эмиграции весьма полезными будут сведения о различных союзах, комитетах, советах, созданных в состоянии политического аффекта русскими патриотами в 1920-е гг. Заслуживает внимания ёмкий (хотя и лаконичный) сравнительный анализ русских диаспор в Константинополе и Париже: первых, по мнению Долгорукова, отличала типично русская, жертвенная любовь к Родине. «Парижским беженцам», среди которых оказалось «гораздо больше денежных людей, чем в Константинополе и вообще на Балканах», была свойственна «сестрочеховская» тоска по Москве, «недейственный, пассивный патриотизм»⁸¹.

«Эмигрантская» часть воспоминаний содержит важные штрихи к «портрету» русской диаспоры. Мемуарист показывал, как происходит локализация эмигрантских социумов, как она создает собственную культурную среду, заметно влияющую на свое окружение. Церковь и школы, собрания и союзы, издательства и театры появлялись там, где поселялась даже небольшая группа русских беженцев. Усилиями энтузиастов, с помощью благотворителей из Америки, Франции, Чехии не только сохранялся российский бытовой «микроклимат», но и формировалась специфическая культура русского зарубежья. Революция вынесла за пределы России мощный культурный слой, который не пожелал ни ассимилироваться, ни изолироваться, а естественно вписался в общеевропейский цивилизационный контекст.

Заключительная часть «Великой разрухи» содержит краткое описание первого нелегального путешествия князя в Россию в 1924 г. «Между эмиграцией и Россией, даже антибольшевицкой, всё более и более, создается отчуждённость, взаимное непонимание, а подчас недоверие и недружелюбие. Необходима смычка эмиграции с Рос-

⁷⁸ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 196.

⁷⁹ Маклаков В.А. Указ. соч. – Т. 3. – С. 489.

⁸⁰ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 212–213, 330 и др.

⁸¹ Там же. – С. 204–205, 212 и др.

сией, чтобы рознь не увеличивалась, чтобы создать взаимное понимание, сговор»⁸² – так мотивировалось опасное стремление стать «примирителем» русского зарубежья и советской России. Надо полагать, он надеялся установить связи с тайными противниками советской власти. Из воспоминаний видно, что это была очевидная утопия – люди в большевистской России оставались смертельно запуганными даже в годы НЭПа. Это признал и сам князь: «О “засыпке рва” между нами и большевиками не может быть и речи, слишком велико этико-политическое различие»⁸³. Нравы простых советских людей его поразили: «Ужасное впечатление... производит грубость красноармейцев. Матерщина, соединённая с богохульством, с упоминанием Христа и Богоматери, висит в воздухе»⁸⁴. Революция развратила людей, считал князь. При этом он видел в этих людях не своих врагов, а жертв режима.

У красноармейцев он обнаруживал «полное невежество», которое сочеталось с «апломбом и самоуверенностью». Мыслили они стереотипами («Бога нет, попы – шпионы», «Мы – авангард пролетариата всего мира») и при этом были уверены, что в случае войны перед ними «никто не устоит»⁸⁵. Но даже человек, который в ответ на упоминания князем «божеских законов» отвечал «задолбленными формулами», казался Долгорукову обыкновенным русским человеком, который при других условиях – «без разжигания в нём классовой розни и злобы» – мог бы стать равноправным с ним гражданином⁸⁶.

Увы, его путешествие оборвалось, практически не успев начаться – в одном из украинских сёл князь (который «поддельвался» под «богобоязненного старорежимного старика»⁸⁷ из Сибири, отправившегося в Польшу в поисках попавшего в плен сына) был арестован, а затем выдворен назад. Полезных впечатлений он, увы, не привёз, что и стало побудительной причиной нового паломничества в СССР в 1926 г., стоившего ему жизни. От этой поездки остался интереснейший «Материал для воспоминаний», записанный 3 июля 1926 г. в Харькове (за год до расстрела), опубликованный в книге его братом⁸⁸. Но это – уже несколько иная тема, требующая специального источниковедческого анализа.

Заканчивается текст воспоминаний бытовым, но весьма символическим эпизодом, связанным с эмигрантским пребыванием в любимом Долгоруковым Париже. В своё время он знал роскошные отели, а теперь жил в холодной мансарде на седьмом этаже. «Один из немногих моих приятелей, рискнувших подняться ко мне, тяжело дыша, говорил, что и высоко же я забрался. На это я ему показал из моего круглого окна в скат крыши чудный вид на кишашую внизу авеню, на Триумфальную Арку и Эйфелеву башню вдали и сказал, что в беженстве я поднимаюсь всё выше и выше, а не опускаюсь»⁸⁹.

* * *

Заключая сказанное, следует подчеркнуть, что интерпретация событий П.Д. Долгоруковым весьма основательно выбивается из обычного мемуарного ря-

⁸² Там же. – С. 247.

⁸³ Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 280–281.

⁸⁴ Там же. – С. 259.

⁸⁵ Там же. – С. 274.

⁸⁶ Там же. – С. 275.

⁸⁷ Там же. – С. 267.

⁸⁸ Там же. – С. 399–415.

⁸⁹ Там же. – С. 287.

да людей его круга. Князь был слишком независимым человеком, чтобы поддаться идейно-нравственным поветриям и стереотипным представлениям своего времени. Текст его воспоминаний не случайно содержит массу деталей, характеризующих личность автора, направленность его интересов. Для него было естественным то, о чём писал последний французский посол самодержавной России Морис Палеолог: «... нет ничего, что так, как Революция, обнажало бы перед нами дно человеческой природы»⁹⁰. А потому он предельно сдержанно комментировал ход событий, не спешил обвинять обманутых социалистической демагогией людей, составивших революционные толпы. Революция в его понимании – трагедия, которая разрушила государство, причём порочными показали себя и прежние власти, и недееспособными «спасители» России.

Примечательно, что в воспоминаниях почти не оставлено места для таких тем, как цены на продовольствие, квартирный вопрос, которые весьма болезненно задевали каждого «буржуя» (чем, кстати, наполнены другие тексты воспоминаний других очевидцев событий⁹¹). Правда, в написанных в харьковской тюрьме заметках Долгоруков отметил, что цены в 3–3½ раза выше парижских⁹² – но это исключительно в связи с тем, что он по легкомыслию взял в поездку слишком мало денег.

Довольно сложно определить побудительную причину написания «Великой разрухи» – названием как бы выставляется отрицательная оценка всей истории России начала XX в., но в тексте нет ядовитых излияний и шаржирования быта, не говоря уже об образе врага. Ощущение культурной принадлежности к *своей* стране, готовность пережить ее трагедию *вместе* со всем народом избавили его от искуса мщеничества словом, которое, как он ясно понимал, войдёт в историю. В общем, это своего рода синергетика революции, показанная изнутри её.

Порой из уст Долгорукова звучат вполне естественные (и понятные) оговорки – «наверное, не помню», «кажется», «возможно» и т. п. Однако установившаяся практика атрибуции источников личного происхождения всё же позволяет исследователям установить природу информации и воспользоваться ею.

Ценность данного источника определяется ещё и тем, что в нём содержится немало фрагментов переписки, выдержки из газетных статей, фотографии. А в целом в мемуарах мы можем разглядеть черты не только уникальной человеческой личности, но и те особенности культурного слоя дореволюционной России, которые так и не поддались эрозии под влиянием «Великой разрухи».

T.G. Leontieva, L.V. Dolgorukov

“VELIKAYA RAZRUKHA” BY PAVEL DOLGORUKOV AS HISTORICAL SOURCE

Summary

The article examines text and context of the memoirs written by famous Russian liberal politician, one of the founders of Constitutional-Democratic Party prince Pavel Dolgorukov. The authors try to expose an informative importance of this document to compare Dolgorukov's narrative with information from another historical sources, especially memoirs

⁹⁰ Палеолог М. Указ. соч. – С. 447.

⁹¹ См. например: Врангель Н.Е. Указ. соч.; Окунев Н.П. Дневник москвича. – М., 1997; и др.

⁹² Кн. Павел. Д. Долгоруков Указ. соч. – С. 410.

by P.N. Milyukov, V.A. Maklakov, V.N. Kokovtsov and another persons. The article points out that Dolgorukov's memoirs generally differ from all personal sources well known to historians.